

HISTORY OF THE EAST
Philosophy of Religion and Religious Studies
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Философия религии и религиоведение

Научная статья
УДК 930+2-141

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>

«Исторический Иисус» как научная проблема

Андрей Сергеевич Десницкий^{1,2}

¹ *Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия,
ailoyros@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>*

Аннотация. Статья предлагает краткое введение в современную проблематику «поиска исторического Иисуса» как научной проблемы. Основное внимание уделено оригинальной русскоязычной литературе в общемировом контексте. Поскольку Иисус из Назарета – ключевая фигура крупнейшей мировой религии – христианства, то посвященные ему работы обычно бывают не строго научными, даже если используют научный метод, и ставят свой целью оправдать или, наоборот, опровергнуть религиозную традицию. Но в последнее время достаточно много было сделано для того, во-первых, чтобы описать Иисуса на фоне иудейской традиции, к которой он принадлежал, а во-вторых, проследить развитие рассказов о нем в нарождающейся христианской традиции. Исследования такого рода выглядят вполне научно и перспективно.

Ключевые слова: Библия; Евангелия; исторический Иисус; Новый Завет; реконструкция; традиция

Для цитирования: Десницкий А. С. «Исторический Иисус» как научная проблема. *Ориенталистика*. 2021;4(3):676–701. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>

“Historical Jesus” as a Scholarly Problem

Andrey S. Desnitsky^{1,2}

¹ *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
ailoyros@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>*

Abstract. The article presents a brief introduction into the modern research area concerning “the quest for historical Jesus” from the scholarly point of view. In the focus is the original Russian literature in its global context. Since Jesus from Nazareth is the key

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

figure for the most widespread religion in the world, i.e. Christianity, the works devoted to him usually step out of the mere scholarly paradigm even if they used scholarly methods, seeking to approve or to disapprove the religious tradition. Recently, however, a lot has been done to describe Jesus as belonging to his own Jewish tradition and, on the other hand, to investigate the development of Jesus narratives in the emerging Christian tradition. Such kind of studies meet the scholar requirements and look promising.

Keywords: Bible; Gospels; Historical Jesus; New Testament; reconstruction; tradition

For citation: Desnitsky A. S. "Historical Jesus" as a Scholarly Problem. *Orientalistica*. 2021;4(3):676–701. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>.

Описание проблемы

Поводом для написания этой работы стал выход в свет двух новых книг. Первая из них написана молодым российским исследователем А. В. Андреевым и носит название «Поиск исторического Иисуса от Реймаруса до наших дней» [1] (автор этой статьи выступал научным редактором книги).

Вторая – переведенный с английского сборник статей под редакцией видного американского новозаветника Дж. Чарлсворта под названием «Иисус: все мировые исследования» [2]. Сразу стоит отметить, что русский перевод называется куда более претенциозно, чем английский оригинал ("Jesus Research: New Methodologies and Perceptions"), и к этой тенденции давать русским переводам нарочито сенсационные, увеличивающие продажи названия мы еще вернемся. Но это действительно фундаментальное издание, оно представляет, по сути, срез состояния (на 2010-е гг.) мировой англоязычной науки в том, что касается «поисков исторического Иисуса» и смежных дисциплин.

Но это вовсе не развернутая рецензия на новые книги, а скорее – представление российским читателям, не знакомым в деталях с предметом исследования, его проблематики. В этой статье нет новых открытий или оригинальных теорий – впрочем, в мировой науке за два с половиной века обсуждения этой темы уже, пожалуй, были сформулированы все разумные гипотезы относительно личности и жизни Иисуса из Назарета – самого обсуждаемого в мире исторического персонажа.

И все же работы о нем не утрачивают актуальности, более того, на русском языке их все еще не хватает. Почему вышло так, какие проблемы ставит перед собой наука и какие из них могут быть решены с помощью научных методов? Именно это и описывает в кратком виде настоящая статья, которая также предлагает обзор существующей русскоязычной литературы.

Христиане разных конфессий и деноминаций составляют около трети населения мира, это самая многочисленная группа (разумеется, точные цифры зависят от методики подсчета, но в целом такую оценку никто не

оспаривает). Более того, библеистика как наука возникла и развивалась почти исключительно в христианской среде, она у своих истоков была всего лишь вспомогательной дисциплиной, цель которой – помочь общине верующих правильно истолковать свое Священное Писание. Поэтому любое суждение так или иначе оказывается значимым для религиозных общин и отдельных верующих, выводы исследователя могут подтверждать или опровергать их верования, а значит, им крайне трудно сохранять объективность в своих оценках.

А когда мы говорим о Новом Завете, то ученому довольно трудно давать эти оценки. Если Ветхий Завет описывает события большого масштаба: переселения народов, возникновение и уничтожение государств, правление различных царей и т. д., то Новый Завет – это, по сути, набор историй о частной жизни узкого круга людей, не занимавших видного положения в обществе. О таких людях, как правило, не остается никаких независимых исторических свидетельств, кроме воспоминаний тех, кому они были дороги, а такие воспоминания не бывают объективными, проверить их достоверность практически невозможно. Более того, интересны эти события тоже лишь тем, кому дороги эти персонажи (или кто, наоборот, хочет ниспровергнуть их авторитет).

В центре Нового Завета мы видим рассказ о жизни, смерти и воскресении Иисуса из Назарета, христиане называют его Христом, т. е. помазанным Божьим. В этом повествовании достаточно много чудес, которые для христиан крайне важны – прежде всего, воскресение. Эти рассказы приходят в противоречие с наблюдаемой нами реальностью, и не удивительно, что со становлением истории как науки возникло желание подвергнуть эти повествования научному анализу и выделить в них, если это возможно, достоверное историческое ядро, т. е. ответить на вопрос: жил ли на свете такой человек, и если да, что именно с ним происходило.

Самый простой ответ (и он был одно время официальным ответом советской науки) заключается в том, что такого человека никогда не существовало, а все истории о нем носят исключительно мифологический характер. Однако в современной науке такая точка зрения не разделяется практически никем. В самом деле, если сравнить Иисуса из Назарета с Сократом из Афин или Буддой Шакьямуни, мы обнаружим, что от каждого из них не сохранилось ни строчки письменного текста, что все повествования о них составлены их учениками и, по-видимому, отражают не только исторические факты, но и определенные верования и взгляды самих учеников. Однако влияние каждого из них на историю идей настолько велико и неоспоримо, что гораздо логичнее считать каждого из них исторической личностью. Другое дело, что при этом совершенно не обязательно принимать любое сообщение о каждом из них как исторически достоверное.

При этом проблема «поиска исторического Сократа» или «поиска исторического Гаутамы» не занимают, насколько мы можем судить, ключевого

места в истории греческой философии или истории буддизма. О «поисках исторического Иисуса» такого сказать нельзя, в настоящей статье предпринята попытка разобраться, почему. Статья не ставит своей целью изложить историю этого поиска (тут можно отослать читателя к упомянутой выше книге Андреева), а скорее познакомить его с современным положением дел, прежде всего на материале русскоязычной литературы.

Иисус в оригинальной русской литературе

Итак, если современный русский читатель пожелает ознакомиться с научным подходом к этой проблеме, что он обнаружит? Разумеется, есть море разнообразной религиозной литературы, но по условиям задачи мы сейчас говорить о ней не будем. Если же он захочет прочитать научные книги, посвященные личности и жизни Иисуса, выбор будет вполне обозрим. Правда, здесь сразу встанет вопрос: какой именно подход считать научным и где наука переходит во что-то иное?

Рассматривать этот философский вопрос в общем виде не входит сейчас в задачу автора, но следует обратить внимание на две пары «пограничных» и при этом оригинальных русскоязычных работ, которые позволяют составить вполне внятное представление об этой проблеме. Первая пара – две книги под одинаковым названием «Сын Человеческий». Одна из них была написана в 1950-е гг. верующим православным юношей, будущим священником А. Менем [3], вторая – в 1990-е гг. молодым неверующим писателем Р. Смородиновым, взявшим псевдоним Хазарзар [4]. Оба активно привлекают научные данные и оба стараются найти для себя ответ и помочь его найти читателю: кто такой Иисус из Назарета и как к нему относиться? Чтобы ответить на этот вопрос, они (особенно Хазарзар) дают широкую панораму самых разнообразных сведений из древней истории.

Собственно, в той стране воинствующего атеизма, которой был СССР, невозможны были не только сочувственные, но и просто непредвзятые исследования раннего христианства, а потому всякий, кто брался за эту задачу, чувствовал необходимость восполнить все зияющие пробелы. Но при этом каждый ответ был личным и субъективным, и это неудивительно: браться за такую тему можно было только при условии огромного интереса, а он предполагает личную вовлеченность. Не случайно даже книга Хазарзара, написанная уже в России девяностых, завершается кратким публицистическим очерком об отрицательном отношении автора к «православному возрождению» тех лет. Собственно, сама книга во многом была ответом на него, указанием, насколько отличается это православие от раннего христианства.

Рассмотрим еще одну пару оригинальных русских книг, вышедших в более новое время, когда стали доступны многие справочные издания и не было нужды перечислять все факты, связанные с историей Древнего

Израиля. Во-первых, это шеститомный труд одного из высших иерархов Русской православной церкви, митрополита Илариона Алфеева [5]. В предисловии к первому тому, в самом начале этого большого труда, автор указывает, что в его задачу не входит изложение православной догматики, но в чем тогда ее цель? На этот вопрос автор отвечает, рассуждая о том, для кого предназначена эта серия книг: «не столько для укорененных в Предании Церкви православных христиан, сколько для неверующих, сомневающих и колеблющихся. Она, во-первых, может дать некоторые ответы тем, кто считает, что Иисус вообще не существовал. Во-вторых, она для тех, кто признает, что Иисус существовал, но не верит, что Он – Бог. В-третьих, для тех, кто, может быть, и считает себя христианином, но относится к евангельским рассказам скептически или воспринимает Евангелие через призму той критики, которой оно подверглось в трудах западных специалистов по Новому Завету» [5, т. 1, с. 5–6].

Итак, это труд апологетический, он призван подтвердить правоту православной традиции, хотя при этом его автор обращается и к данным науки, и к научному методу, но только в той мере, в которой они не противоречат традиции. В этом, кстати, он продолжает линию, заданную еще в советские годы книгой А. Меня. Также можно вспомнить оригинальные русские работы, в названии которых упоминается имя Иисуса и которые выглядят введениями в Новый Завет, написанными с православных позиций (труды протоиерея А. Сорокина и епископа К. Безобразова [6; 7]).

Совсем другой подход представлен в книге журналистки Ю. Латыниной: «Представьте себе, что вы – журналист, делающий репортаж о человеке, который претендует на то, чтобы быть Сыном Бога, лечит наложением рук и воскрешать мертвых. Если вы приведете в этом репортаже свидетельства только его поклонников, ваш репортаж вряд ли можно будет считать объективным» [8, с. 213].

Для журналистики такой подход, безусловно неприемлем. Но журналист обычно обладает возможностью посетить места недавних событий, опросить очевидцев, взять интервью у выразителей разных мнений. К сожалению, вплоть до изобретения машины времени эта возможность закрыта для всех, кто занимается древней историей. Но Латынина проводит свое сенсационное расследование так, как будто всё это ей доступно, и приходит к выводу: «“христиане” были просто римским названием того, что Иосиф Флавий назвал “зилоты” и “четвертая секта”. Именно поэтому их и запретили» [8, с. 404]. То есть первые христиане оказываются иудейскими экстремистами и радикалами, ведущими вооруженную борьбу против римского господства. Это хлестко, это ярко, это явно будет пользоваться успехом. Справедливости ради надо признать, что такая точка зрения, пусть и не настолько радикально, высказывалась и раньше (см., например: [9]).

Если митрополит Иларион защищает православную традицию (что естественно), то журналистка Латынина ее всячески ниспровергает (эту

тему она продолжает в следующей книге своей серии [10]). Она прибегает к научным данным и научному методу, но опять-таки отбирает лишь то, что подходит для ее целей. По сути, оба исследования призваны подтвердить заранее готовый вывод, что каждое из них и делает, вполне убедительно для той аудитории, которая этот вывод заведомо разделяет.

На русском языке есть еще одно оригинальное исследование Глеба Ястребова, которое уже в заглавии ставит вопрос «Кем был Иисус из Назарета?» [11] – тот самый, на который отвечают так по-разному две предыдущие книги. В самом деле, кем? Для начала: воскрес ли Иисус из мертвых? Этот вопрос для христианина самый главный, все остальные по сравнению с ним вторичны. Ястребов почти в самом конце книги пишет про свидетельства встречи с воскресшим Иисусом: «Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о том, как объяснить эти видения: массовой галлюцинацией, выдачей желаемого за действительное или реальным явлением Иисуса» [11, с. 353]. И возвращается к ней в последнем абзаце: «...говорить о доказательстве воскресения Иисуса невозможно. Но необходимо признать корректной более осторожную формулировку: удовлетворительного рационалистического объяснения пустой гробнице, особенно в сочетании ее с «явлениями Воскресшего» очень большому числу людей, пока не найдено» [11, с. 363]. По-видимому, это самое большее, что можно сказать об этом событии, оставаясь хотя бы отчасти на научных позициях.

В самом деле, такие понятия, как «Сын Божий», «Царствие Небесное» или «воскресение из мертвых» полностью выпадают из научного дискурса, тогда как для подавляющего большинства читателей Нового Завета они имеют первостепенную важность. Если оставить их в стороне, – что, собственно, можно реконструировать, что исследовать? Явно не подробности внешней биографии Иисуса (когда именно и сколько раз он посещал синагогу в Капернауме), но скорее суть его учения, его соотношение с другими идеями того времени, его восприятие и передачу учениками Иисуса.

Переводная литература на русском языке

Именно по этому пути идут большинство современных исследователей, и труды некоторых из них тоже доступны русскому читателю. Для полного обзора всей современной научной литературы здесь не хватит места, даже если ограничиться только переведенными на русский язык изданиями, но можно обратить внимание на наиболее характерные тенденции и значимые публикации.

Своеобразной параллелью к трудам Алфеева и Латыниной можно считать книги Й. Ратцингера, более известного как римский папа Бенедикт XVI [12; 13], и режиссера П. Верховена [14]. Первый, как и можно ожидать от римского понтифика, предлагает некоторую апологию традиционной христианской веры, связав ее с вызовами нового времени.

В предисловии к первому тому он пишет: «Начиная с 1950-х годов... стал ощущаться разрыв между историческим Иисусом и Иисусом веры – разрыв, который постепенно настолько углубился, что оба понятия оказались противопоставлены друг другу... Попытки реконструировать образ Иисуса на основании относимых к разным традициям евангельских текстов и их возможных источников привели к множественности вариантов прочтения образа Иисуса, причем сами варианты представляли порой как прямо противоположные версии: от пламенного революционера, провозвестника антиримской идеи, выступающего за свержение господствующей власти и терпящего в конечном счете крах, до кроткого моралиста, который все приемлет и со всем смиряется, но который по непонятным причинам все же становится жертвой и погибает... В итоге сложилось впечатление, будто мы не располагаем достаточными и надежными сведениями об Иисусе и что вера в Его Божественность была соотнесена с Его образом ретроспективно. Это мнение постепенно укоренилось в общем сознании христианского мира. Такое положение дела весьма пагубно для веры, ибо это знак того, что поколебалось ее главное, сущностное основание: внутренняя, доверительная связь с Иисусом» [12, с. 5–6].

Как нетрудно понять, примерно ту же задачу оправдания и восстановления этой связи ставит перед собой и Алфеев. Говоря, что этот подход не вполне научен, мы не должны забывать, что наука, в свою очередь, нуждается в некоторой апологии и в том, чтобы ее достижения встраивались в контекст иных форм интеллектуальной деятельности человека, особенно когда речь идет о столь сложных и значимых для многих явлениях.

В книге Верховена, напротив, предложен крайне субъективный взгляд, и он тоже отталкивается от научного дискурса. Автор пишет об идее ее создания так: «Меня всегда завораживал Иисус, еще с детских лет, не знаю почему... Я продолжал читать и размышлять об Иисусе, а когда мне было под сорок, загорелся идеей сделать о нем фильм. Но в то время я не в состоянии был разобраться, что в Евангелиях правда, что полуправда, а что неправда. В 1985 г. я переехал в Америку и там услышал про “Иисусов семинар”. Его тогда как раз организовал Роберт Функ, специально чтобы заняться этой проблемой. Большая группа теологов, в основном американских, из протестантов, взялась исследовать всё, что Иисус якобы говорил и делал, и дважды в год обсуждать на четырехдневной конференции, в самом ли деле Иисус так говорил, так делал или нет? И в течение пятнадцати лет семинар голосовал “за” или “против”. Итоги конференций были зафиксированы в двух книгах... Не то чтобы я готов подписаться под всеми результатами семинара, и я вовсе не уверен, что его участников обрадуют те положения, которые выдвигаются в этой книге» [14, с. 14–15].

Заметим, что два этих, столь разных, подхода прекрасно дополняют друг друга. В середине XX в. разделение между «Иисусом веры» (ИВ),

которого проповедует церковь, и «историческим Иисусом» (ИИ), которого реконструируют ученые, в западном обществе стало очевидным и практически непреодолимым. Ратцингер остается на стороне ИВ и стремится преодолеть разрыв, Верховен не обращает на веру никакого внимания, но к общепризнанному и однозначному ИИ не приходит уже просто потому, что такого не существует. Он достаточно точно и верно описывает работу «Иисусова Семинара» (Jesus Seminar, сокращенно ИС). Итак: решение о подлинности того или иного высказывания Иисуса принимается простым большинством голосов самоназначенных экспертов. С другой стороны, их решение не обладает никакой обязательной силой, каждый волен принимать или не принимать его – по собственному желанию. Можно ли считать такой подход строго научным? По-видимому, не в большей степени, чем подход Ратцингера или Алфеева: научные данные и методы здесь используются, но не более того. В конечном счете все решает для одних традиция, для других – личное предпочтение. Видимо, такова цена работы с текстом, который для огромного числа людей является сверхценным, священным.

Вполне достойный выход из этой ситуации предлагает в своей книге Н. Райт [15]. В ее первой части он излагает историю поисков ИИ, связанную, как мы уже поняли, с широким интеллектуальным и религиозным (или атеистическим) контекстом, с представлениями различных авторов и тем, что принято называть веянием времени. Вторая часть посвящена реконструкции внешней канвы событий, а третья – намерениям и верованиям Иисуса. И когда он кратко подводит итоги своего исследования в третьей части, то характеризует не столько предмет исследования – жизнь и воззрения Иисуса из Назарета, сколько самих исследователей. Он пишет: «Швейцер сказал, что Иисус приходит к нам как неизвестный. Если я прав, то дело обстоит как раз наоборот. Мы приходим к нему как неизвестные, добираясь ползком из далекой страны, где мы промотали средства на мятежный, но бесплодный историцизм. Рожки для свиней – “несомненные результаты современной критики” – напомнили нам о том знании, которое чуть не стерла из памяти гордыня, и мы отправились к дому» [15, с. 600].

Если серьезно подходить к этой красивой метафоре, которая уподобляет исследователей ИИ персонажу евангельской притчи о блудном сыне, можно подумать, что итогом этого важнейшего труда для Райта стало признание его полной бесполезности: поиск ИИ приводит его к ИВ, для встречи с которым никакой научный анализ не нужен по определению, да и едва ли возможен применительно к нему такой анализ. Однако было бы, пожалуй, наивностью воспринимать этот красивый заключительный образ как отчет о результатах многолетнего научного исследования. Скорее, это признание человека, который одновременно является христианином (более того, епископом) и ученым: научный анализ

поисков ИИ рассказал об ищущем не меньше, чем об искомом, и не изменил его изначальных религиозных убеждений.

Стоит упомянуть также и работы, в которых рассказывается о восприятии личности Иисуса в последующих неортодоксальных и нехристианских сообществах: в различного рода сектах [16] и в исламе [17] – обе упомянутых книги скорее научно-популярные и отчасти публицистические, но содержат немало интересного материала.

Феномен Эрмана

Пожалуй, самый известный русскому читателю иностранный автор, который пишет о Новом Завете, – это Б. Эрман. И прежде, чем говорить о его книгах, которые неизменно пользуются успехом, стоит обратить внимание на его собственную историю, которую он рассказывает в книге под названием «Великий обман»: «В переходном возрасте я стал рожденным свыше христианином, окончил среднюю школу и отучился в фундаменталистском библейском колледже... Мы в колледже были весьма преданы истине. Я бы сказал, даже сегодня, что нет на планете человека, более преданного истине, чем серьезный и честный христианин-евангелик. И в колледже мы были именно серьезны и честны. Истина для нас была так же важна, как сама жизнь... И прошло совсем немного времени, когда я начал понимать, что “истина” о Библии вовсе не то, что я когда-то думал, будучи убежденным евангельским христианином... В Библии есть ошибки. И если в ней есть ошибки, это уже не вполне истина... Она также содержит то, что большинством в наше время признаётся ложью. Об этом и будет настоящая книга» [18, с. 16–20].

Иными словами, Эрман не просто сообщает нам, что он провел определенное исследование и пришел к некоторым выводам. Нет, он с юных дней искал истину и стремился быть ей преданным. Первоначально он полагал, что она содержится в Библии, причем именно в фундаменталистском ее толковании, а когда убедился, что такое мнение противоречит фактам, то принял другую версию истины.

Это не означает, будто Эрман как ученый несостоятелен или недобросовестен, напротив, он привлекает все известные нам факты, подвергает их тщательному анализу, делает корректные выводы и доказывает их должным образом. Но он, как и Алфеев, при этом не скрывает, что первично в его случае убеждение, а не анализ. И, вероятно, в случае с такими идеологически значимыми текстами, как библейские, трудно было бы ожидать иного.

К этому можно добавить, что российский издатель внес свои коррективы в его труд уже на уровне оформления. Оригинальное издание носит название “Forged: Writing in the Name of God – Why the Bible’s Authors Are Not Who We Think They Are” («Подделка: написано от имени Бога – почему авторы Библии совсем не те, про кого мы думаем»). Но русское название

куда более глобально: «Великий обман: научный взгляд на авторство священных текстов». А обложка русского издания содержит коллаж со множеством слов, составляющих крест: «подлог, обман, ложь, фальсификация», а к тому же цитату из самого Эрмана: «Одержимость истиной делает лжецами». Понятно, что это в значительной мере определяется желанием издательства привлечь читателя, но нельзя не заметить, что такое оформление расставляет определенные акценты и еще в большей степени, чем англоязычный оригинал, представляет этот труд как изложение абсолютной и окончательной истины, ниспровергающей ложь.

Кстати, Эрман со строго научной точки зрения не предлагает новых аргументов: в мировой науке давно и подробно обсуждается вопрос о псевдонимности новозаветных книг (т. е. о том, что авторами не всегда были те самые люди, которых называет авторами традиция или даже сам текст книги) (см., например: [19; 20; 21]).

Вообще, что касается Эрмана, нельзя не заметить, что его книги (выходящие теперь и в русских переводах практически сразу после их появления на оригинальном английском языке) сочетают научный подход с коммерческим, причем последний основан на интересе публики. Так, его книга с провокационным названием «А был ли Иисус? Неожиданная историческая правда» [22] доказывает, главным образом, то, что уже принято в современной науке практически единогласно: исходя из всей совокупности данных, гораздо логичнее считать Иисуса из Назарета подлинной исторической личностью, нежели вымышленной фигурой. Но для широкой публики этот вопрос звучит актуально.

Ничего дурного нет в том, что настоящий ученый (каким Эрман, безусловно, является) облачает результаты своих исследований в понятную людям форму, и его книги издаются большими тиражами. В итоге такой процесс способствует распространению научных знаний среди широкой аудитории. Другое дело, когда человек, явно не владеющий научным методом, облачает свои завлекательные писания в наукообразную форму, стараясь придать им больше весомости и убедительности (уже упомянутый случай Ю. Латыниной).

Итак, Эрман написал еще несколько книг, посвященных Иисусу и его восприятию в раннехристианской традиции, переведенных в том числе и на русский язык (о некоторых из них будет сказано далее). Описывать все эти работы здесь незачем, так как они в некотором роде дополняют и продолжают друг друга. Но уместно будет привести еще одну цитату из книги о том, «как Иисус стал Богом». Подводя итог всему своему исследованию, Эрман пишет: «Пока я работал над этой книгой, мне пришло в голову, что история развития моих богословских представлений зеркально отражает историю богословия ранней церкви... Мои собственные, личные верования касательно Иисуса развивались прямо в противоположном направлении. Вначале я думал об Иисусе как о Боге Сыне, равном

Отцу, одном из лиц Троицы; но со временем я начал рассматривать его все “ниже и ниже”, до тех пор, пока я не пришел к представлению о нем как о человеческом существе, ничем не отличающемся по своей природе от всех прочих людей» [23, с. 501–502].

То есть исследователь создает некую реконструкцию представлений первых христиан об Иисусе, а потом с удивлением обнаруживает, что она зеркально отражает его собственные верования. Деконструкция христианской традиции, по сути, привела его к тому «изначальному факту», который он принял за таковой собственным волевым решением, можно даже сказать – актом веры. Чем тогда это отличается от книги, к примеру, митрополита Илариона, который с помощью научных аргументов приходит сам и приводит читателя к выводу, что Иисус есть предвечный Сын Бога, равный Отцу? Логика анализа приводит каждого из них в ту точку, где он назначил ей свидание.

Иисус и традиция

Итак, мы видим, что говорить о жизни Иисуса как таковой достаточно сложно по целому ряду причин. Прежде всего, дело в том, что исследователи в значительной мере стремятся подтвердить или опровергнуть взгляд христианской традиции на личность Иисуса, что делает сам их подход проблематичным со строго научной точки зрения. Есть ли выход из этого тупика?

Разумеется, можно заниматься истолкованием и интерпретацией тех или иных высказываний, как делает У. Луц с Нагорной проповедью [24], анализируя не столько личность, сколько связанный с ней текст, или И. Павлов, чья книга посвящена всего лишь одному, хотя и очень важному отрывку длиной в четыре стиха [25], – говорить об этом подходе к жизни Иисуса здесь нет смысла.

Но можно говорить о том, как эта жизнь вписывается в широкий историко-культурный контекст, о котором мы знаем довольно много. Иными словами, рассмотреть, как выглядит Иисус на фоне традиции. Здесь возможны три подхода:

- Личность и учение Иисуса на фоне иудейской традиции, к которой он так или иначе принадлежал;
- Развитие собственно христианской традиции, которая строится вокруг личности и учения Иисуса;
- Изложение взгляда самой христианской традиции (той или иной деноминации) на возникновение этой религии.

Д. Флуссер в книге «Иисус, свидетельствующий о себе» [26], а также М. Хенгель и А.-М. Швемер в фундаментальном труде «Иисус и иудаизм» [27] рассматривают жизнь и учение Иисуса на фоне иудаизма того времени. Сходным образом поступает и Х. Маккоби в книге «Революция в Иудее (Иисус и еврейское сопротивление)» [28], но он обращает больше

внимания на политику, в особенности на освободительное движение, нежели на религию (именно этим путем и пошла Латынина, дойдя при этом до крайних и зыбких выводов). Примерно так же и К. Эванс рассказывает об «Иисусе и его мире» [29], описывая каждую сферу жизни, значимую для евангельских повествований.

Хенгель и Швеммер завершают свое фундаментальное исследование выводом: «Оглядываясь назад, мы убеждаемся в справедливости нашего тезиса о том, что фрагментарность дошедших до нас источников, а также «своенравие» четырех евангелистов в отборе материала преданий, его оформлении и расположении, иными словами, их богословская воля делают невозможным такое изображение Иисуса из Назарета, которое действительно удовлетворило бы наше современное «историческое любопытство»... Однако, как мы уже неоднократно подчеркивали, возможны конкретные «попытки исторического приближения»» [28, с. 663]. То есть многое из того, что мы хотели бы узнать об Иисусе, нам не удастся достоверно определить с помощью научного анализа, а некоторые вопросы вообще лежат вне сферы научного знания (был ли Иисус Сыном Божиим или обычным человеком). Однако это не означает, будто научный анализ евангельских текстов бесполезен – он помогает уточнить и полнее понять многие частности.

Если говорить о втором подходе – реконструкции раннехристианской традиции, связанной с Иисусом, – то о ней куда более подробно будет сказано дальше. На русском языке существует прекрасное исследование Р. Бокэма [30], цель которого состоит в том, чтобы найти выход из той довольно тупиковой (с этой оценкой автора стоит согласиться) ситуацией, в которой оказался к настоящему моменту «поиск исторического Иисуса». Вместо этого поиска он предлагает обратиться к «Иисусу свидетельств», т. е., по сути дела, к его образу в раннехристианской традиции. Почему он предлагает так поступить и в чем заключается его метод – к этому еще предстоит вернуться.

Этой теме и Эрман посвятил две своих книги, переведенные на русский язык [23; 31]. Его позиция остается гиперкритичной: объявлять неподлинным всё, что только можно. Вот как он комментирует одно из древнейших свидетельств Папия Иерапольского об авторстве первых двух Евангелий: «Уму непостижимо, что некоторые современные ученые, вроде Бокэма, видят в словах Папия ценное свидетельство того, что первые два Евангелия написаны Матфеем и Марком. Почему-то они думают, что на его свидетельство можно положиться. И начисто упускают из виду *другие* слова Папия, в надежность которых сами не верят» [31, с. 145].

Это все же взгляд из современной этики деловых отношений: если данный контрагент раз или два поставил недостоверную информацию, веры ему не может быть ни в чем. Но ученые, которые работают с античными и средневековыми источниками, едва ли могут позволить себе такую щепетильность: мифологический и легендарный материал нередко

переплетается с достаточно достоверными сведениями. Собственно, этими вопросами занимается отдельная историческая дисциплина под названием «источниковедение». Бокэм именно такой анализ и проводит в своей книге, посвящая анализу краткой реплики Папия целую главу [30, с. 229–265].

Подобным образом устроен и небиблейский пример, который приводит Эрман, – это память о президенте США А. Линкольне. Эрман отмечает, что он вошел в историю как борец за равноправие чернокожих [31, с. 13–17], хотя на самом деле он этого равноправия не желал и даже не считал его возможным. То есть если оценивать некоторые его высказывания по критериям нашего времени, они будут выглядеть вполне расистскими. Это действительно так, но нужно понимать, что отказ от расизма в США был не одномоментным событием, а долгим процессом, и что Линкольн во многих отношениях был сыном своего времени, когда о черных принято было говорить как о низшей расе. То есть современный тест на политкорректность Линкольн явно не проходит, но сама эта политкорректность возникла в ходе долгого процесса, у истоков которого стоял и Линкольн. Видимо, нечто подобное можно сказать и о многих ранних христианах.

Но Эрман исходит из позиции: христианская традиция меня обманула, поэтому я всем буду рассказывать, как она лжива. Он остается в рамках научного метода, приводит факты и интерпретирует их в рамках возможного и допустимого, просто он при этом субъективен и пристрастен не меньше христианских апологетов.

Разговор о реконструкции раннехристианской традиции у нас еще впереди, но стоит для начала отметить, что анализ устной традиции, которая позднее была положена в основу евангельских текстов, представляет сейчас одно из самых перспективных направлений в новозаветных исследованиях. К примеру, Дж. Данн обращает наше внимание на сходство устной традиции об Иисусе, лежащей в основе евангельских повествований, с ближневосточной традицией устных повествований (مسند متلفذ, *хафлат самар*), которые передаются с некоторыми вариациями из уст в уста, но при этом очень устойчивы.

Он выделяет [32, с. 129–137] пять характерных признаков такой устной традиции.

1. Устное представление мимолетно, оно не может быть отредактировано после произнесения.

2. Община присутствует при исполнении, контролирует его и в значительной мере выступает как автор произносимого текста.

3. Устные представления исполняются особыми людьми, которые выступают как носители общинной традиции.

4. Для устной традиции невозможно говорить об оригинале и редакциях (которые так напряженно искала классическая «библейская критика»).

5. Устная традиция сочетает постоянство и гибкость, стабильность и разнообразие.

В заключение Данн говорит: «Осознание характера традиции Иисуса как устной равноценно осознанию ее как *живой* традиции. Традиция Иисуса вначале не была записанным текстом, предназначенным для индивидуального прочтения в тиши кабинета... Ее не столько сохраняли, сколько использовали» [32, с. 170].

Более подробно Данн разбирает этот вопрос в другой книге [33, р. 206 and following], название которой (*Jesus Remembered*) можно перевести примерно как «Иисус, каким его запомнили» и которая является самой первой в его серии «Возникновение христианства». Уже судя по названию этого труда, Данн предпочитает говорить не об Иисусе веры (что слишком субъективно), и не об историческом Иисусе (установить подробности его жизни едва ли представляется возможным), а скорее об «Иисусе коллективной памяти». Его жизнь и его проповедь оказала огромное влияние на раннехристианскую общину, потому можно говорить скорее об этой памяти, чем о самих исторических событиях.

Иисус или все-таки Павел?

Третий из упомянутых выше подходов, который излагает взгляд религиозной общины на свое собственное возникновение, представлен в литературе по Новому Завету давно и широко. Из отечественных работ можно снова назвать уже упомянутых Безобразова и Сорокина [6; 7]. А британский библеист и англиканский епископ Н. Т. Райт создал серию книг, доступную теперь и на русском языке, где предлагает целостную картину возникновения христианства, опираясь на тексты Нового Завета [15; 34; 35]. Нетрудно понять, что цели таких изданий – не только научные или научно-популярные, но и апологетические, их задача – доказать совместимость традиционных религиозных представлений с данными науки (хотя, безусловно, для этого необходимо отказаться от фундаменталистских интерпретаций).

Со своими краткими выводами применительно к апостолу Павлу Райт рассказал в отдельной небольшой брошюре [36] – в ней он, прежде всего, спорит с широко распространенным утверждением, что настоящим основателем христианства следует считать апостола Павла. Его вывод: «Действия и послания Павла не повторяют деяний и учения Иисуса Христа, но произрастают из них, последовательно связаны с ними... Иисус возвел историю Израиля на predeterminedенную ей вершину. Павел на этой вершине живет» [36, с. 176].

При этом вопрос об учении Павла, если рассматривать его в отношении жизни и учения Иисуса, действительно актуален в особой степени. Речь идет не просто о том, что некий ученик развил идеи учителя – и не искажил ли их тем самым? Именно послания Павла, прежде всего Римлянам, стали основой христианской догматики. Современные диалоги между католиками и протестантами разных деноминаций (и православными

в той малой мере, в которой они готовы в них участвовать), в догматической своей части, по сути, сводятся в основном к обсуждению точного значения тех или иных формулировок из текстов Павла, притом что евангельские тексты таких разнотолков обычно не вызывают.

Именно с этим связано относительно недавнее издание на русском языке двух классических работ западных паулинистов XX в. – А. Швейцера [37] и Э. П. Сандерса [38]. Их появление на свет на языках оригинала (1930 и 1983 гг. соответственно) разделяют примерно полвека и Вторая мировая война, а значит – массовые убийства евреев нацистами. И здесь возникает еще одна важная тема, которую на Западе обычно обозначают как «богословие после Освенцима» и которая в огромной степени определяет современные новозаветные исследования в западных странах.

Российскому читателю эта тема обычно понятна плохо, потому что история СССР была в XX в. не менее трагична, но трагична она была по-другому. Образно говоря, у нас можно говорить о неверном и людоедском прочтении трудов Маркса, а не посланий Павла. Но на Западе эта тема тесно связана с перспективами иудео-христианского диалога, которые здесь сейчас рассматриваться не будут. Ограничимся лишь констатацией: третье, условно говоря – «апологетическое», направление новозаветных реконструкций тесно связано с религиозными, идеологическими и социальными вызовами новейшего времени и во многом именно ими и определяется. И этому вопросу следует уделить некоторое внимание.

Итак, в середине XX в. нацисты в Германии и их пособники в оккупированных странах уничтожили подавляющее большинство проживавших там евреев (а равно и множество людей других национальностей). Казалось бы, они не цитировали при этом апостола Павла, их идеология вообще не может считаться христианской – при чем здесь эти трагические события? Но сразу после этих событий были поставлены вполне закономерные вопросы. Насколько связан антисемитизм в странах христианской культуры (он существовал и до нацистов) с традиционным христианским богословием? Не лежат ли его корни в тех проповедях, которые возлагали на весь еврейский народ ответственность за убийство Иисуса и считали само существование этого народа вызовом для христиан? Дескать, после воскресения Иисуса все евреи должны были признать его Христом и влиться в ряды христиан. Те, кто этого не сделал, – враги христиан.

И разве не в силу этой самой логики христиане разных деноминаций в подавляющем большинстве случаев никак не воспротивились подобным действиям нацистов, в том числе в странах с развитой богословской культурой? Германия в середине XX в. была общемировым лидером в том, что касалось новозаветных исследований. И если делать практические выводы из этих печальных наблюдений, разве не стоит создать некоторую новую парадигму прочтения Нового Завета, которая надежно

исключала бы подобное враждебное отношение к иудаизму, а как следствие – и к еврейскому народу?

Перед нами снова появляется актуальная идеологическая задача, но после 1945 г., пожалуй, приходится признать ее актуальной. Итак, Швейцер в конце 1920-х гг. ставит перед собой вопрос: какова природа мистики Павла, что в ней эллинистического, а что иудейского? Во многом это поиск корней собственной культуры, притом в ту пору, когда об ужасах нацизма еще никто не подозревал. Сандерс в начале 1980-х гг. подходит к этой проблеме с совершенно другой стороны: традиционно принято считать, что Павел полагал Моисеев закон совершенно бессильным и бесполезным и тем самым как бы «отменял» иудаизм (называя себя самого при этом иудеем), но так ли это «на самом деле»? А точнее: можем ли мы предложить некоторое новое понимание богословия Павла, которое не давало бы повода к национальной и религиозной вражде?

Швейцер формулирует тот самый вывод, с которым будет потом спорить Райт, да и все современные новозаветные исследователи консервативно-христианского крыла: «Греческое, католическое и протестантское вероучения роковым образом включают в себя Евангелие Павла в той форме, в которой оно не продолжает Евангелие Иисуса, а подменяет его... Как только учение Павла превращается в учение о спасении, в котором спасение уже не связано с верой в Царство Божье, оно неизбежно вступает в антагонизм с Евангелием Иисуса... Павел, значение которого признавалось всеми, в восточном христианстве понимался неправильно, а в западном – неполно» [37, с. 355]. Вновь мы видим интерес не столько к тому, что имел в виду древний автор, сколько к тому, как мы его прочитываем сегодня.

Сандерс приходит к логичному, хоть и не вполне стандартному выводу: «Все высказывания Павла невозможно свести в единое логически непротиворечивое целое, однако каждое из них может быть понято как приложение его основополагающих убеждений к разным проблемам» [38, с. 463]. То есть речь не идет об эволюции взглядов или тем более нечестности – нет, просто Павел не читает лекцию по догматическому богословию, а отвечает на разные вопросы и потому дает разные, порой противоречивые ответы, выступая скорее как ритор, чем как богослов. Следовательно, и сегодняшние его последователи могут выбирать из его наследия то, что подходит к их нынешней ситуации. Вполне постмодернистский подход.

Разумеется, попытки прочесть Новый Завет как ответ на современные вопросы не сводятся к одному Павлу. Об апостоле Петре, к примеру, на русском языке вышли книги тех же М. Хенгеля [39] и Б. Эрмана [40], причем оба автора много внимания обращают именно на рецепцию его образа в последующей традиции (в особенности Эрман).

В заключение этого раздела хотелось бы привести три вышедших на русском языке работы зарубежных авторов, принадлежащих к трем основным ветвям христианства. Строго говоря, в них трудно найти новые

открытия, но они прекрасно показывают, как верующие исследователи сочетают предмет своего исследования – Библию, в частности Новый Завет, со своей личной верой.

Православный священник Т. Стилианопулос предлагает некоторый целостный взгляд на «Новый Завет в православной перспективе» и «многоуровневую герменевтику как эвристический подход» – так он сам называет свой взгляд [41]. Он весьма похож на средневековую теорию «четырёх смыслов Писания», только у Стилианопулоса уровней три: экзегетический (смысл текста в историческом контексте), оценочный (личное принятие) и «преображающий» (принятие истины). По сути, научный подход не выходит за рамки первого уровня, но два последующих явно влияют на выводы каждого конкретного исследователя.

Протестантский теолог Г. Тайсен предлагает взглянуть на «библейскую веру в эволюционной перспективе» [42]. В фундаменталистской картине мира теория эволюции живых существ противоречит повествованию Книги Бытия о сотворении мира, но едва ли сегодня многие христиане готовы согласиться с фундаменталистами. В то же время сама история христианства, равно как и других религий, может быть описана в эволюционной перспективе: идеи возникают, видоизменяются, конкурируют друг с другом и, в конце концов, побеждают те, которые дают их носителям некоторое преимущество. Пожалуй, это неплохой пример того, как мнимое противоречие в подходах оборачивается новой и эффективной моделью описания реальности.

Третья из этих книг, самая личная, написана преподавателем католического университета Б. Леммелейн [43]. Не вдаваясь в подробности, можно лишь сказать, что это совсем другая история о том же открытии, которое сделал некогда Эрман: далеко не все содержащиеся в Библии утверждения можно считать буквально истинными. Правда, автора оно привело к иному личному выбору – к вере без четко очерченной догматики, но с глубоким доверием к Богу.

Несомненно, подход трех этих авторов скорее личностный и психологический, нежели научный. Но стоит быть им благодарными за то, что их труды показывают, какие именно процессы происходят в сознании авторов, ведь ни один исследователь не является бесчувственным роботом, каждый так или иначе исходит из своих убеждений, верований, предпосылок – только мало кто признается в этом открыто, а еще меньше тех, кто их подробно описывает и дает понять, как именно они влияют на его работу.

От «исторического Иисуса» к «Иисусу свидетельств»

Здесь уместно будет попытаться суммировать наши знания и разобраться, какие вопросы об Иисусе из Назарета, основателе христианства, могут иметь научно обоснованные ответы, а также какие из этих ответов уже получены и какие могут быть получены в обозримом будущем.

По-видимому, вопросы о том, был ли Иисус Сыном Божиим и воскрес ли из мертвых – важнейшие для христианской веры! – лежат за пределами компетенции науки уже потому, что включают в себя понятия, связанные с миром сверхъестественного. Ответ на них могут дать только личная вера или личное неверие.

В конце XIX в. был поставлен вопрос об отличиях ИИ от ИВ. Первым, насколько можно судить, принципиальное различие в подходах сформулировал М. Келер: ИИ – предмет изучения исторической науки, тогда как ИВ – адресат богословской рефлексии и религиозного культа [44]. Он, разумеется, не был первым, кто стал размышлять на эти темы: попытки согласовать между собой свидетельства Евангелий предпринимались еще в первые века христианства, а в новые времена – начиная с Г. С. Реймаруса, который постарался составить свою версию биографии Иисуса уже в середине XVIII в. Подробный очерк этих и иных трудов на русском можно найти в упоминавшейся выше книге Андреева [1], более краткий, но достаточно содержательный – в статье Г. Г. Ястребова [45], а из западных и более подробных изданий можно рекомендовать книгу М. А. Пауэлла [46].

Как нетрудно убедиться, ИИ предстал у разных историков совершенно в разном свете. Для Реймаруса, говоря упрощенно, это был неудавшийся политик, который стремился установить собственную власть в освобожденном Израиле, а для Ренана – радикальный проповедник, бросивший решительный вызов традиционным религиозным авторитетам. Как сформулировал это Пауэлл, «так называемый поиск исторического Иисуса постепенно превращался в поиск релевантного Иисуса» [46, с. 22]. Выражаясь библейским языком, Иисуса сотворяли «по образу и подобию своему», точнее – по той идеальной картине духовного наставника, которая была у исследователя в голове. Пожалуй, А. Швейцер был первым, кто постарался расстаться с этой практикой и вернуть ИИ в ту эпоху, которой он, собственно, и принадлежал.

Но «новый поиск», последовавший этому призыву в полной мере, открылся лишь во второй половине XX в., его связывают прежде всего с именем Э. Кеземанна и с идеей «демифологизации», высказанной Р. Бульманом. Если «старый», или «первый», поиск был связан со становлением исторической науки именно как науки со своими методами и стимулировался различными идеологическими баталиями начала XX в., то этот «новый поиск» был во многом вызван необходимостью ответить на вызовы, порожденные Второй мировой войной и Холокостом. Также важно отметить, что этот процесс протекал почти исключительно в немецко- и англоязычном интеллектуальном пространстве. В СССР, как нетрудно догадаться, на протяжении всей его истории господствовало радикальное атеистическое направление, которое обычно вообще отказывало Иисусу в существовании. Однако немногие появлявшиеся работы (как упомянутые выше труды Меня и Хазарзара [3; 4]) были вызваны к жизни как раз

неготовностью мыслящего человека эту плоскую картинку принять, вне зависимости от его личных убеждений, – то, что они создавали вместо атеистической картинки, напрямую вытекало из их убеждений.

Итак, «новый поиск» начался с Кеземанна и завершился, как обычно считают, работой Сандерса об Иисусе как иудее. Понятно, что все периоды и временные рамки тут достаточно условны, но все же есть некое тематическое единство: этот поиск был посвящен, говоря предельно схематично, возвращению Иисуса в его исторический и, прежде всего, иудейский контекст (а значит, и выстраиванию той версии христианского богословия, которая не отвергала бы иудаизм и тем самым решительно осуждала любые преследования евреев). Одновременно этот поиск – ответ на вызов со стороны последователей Бульмана, усматривающих в текстах Нового Завета всего лишь некий набор мифов, для которых существовали реальные исторические прототипы, но которые в любом случае нуждаются в переводе на современный рациональный язык.

Для сторонников этого подхода принципиально важно, что Иисус не просто существовал, но жил и учил в собственном историко-культурном контексте. В дальнейшем свидетельства о его жизни подвергались редактированию и переосмыслению, но можно выделить целый ряд критериев, которые позволят найти в них следы подлинных исторических событий. Важнейший из этих критериев – оригинальность того или иного эпизода, его принципиальная «несводимость» к историческому фону, общему для множества людей того времени. В результате этого поиска возник целый ряд портретов Иисуса-иудея.

В середине 1980-х гг. начинает работу уже упоминавшийся выше «Иисусов семинар», и в связи с ним обычно говорят о начале «третьего поиска». Он уже в значительной мере занят поиском аргументов для отбора критериев подлинности речений Иисуса и записи о совершенных им действиях, а решения по этим вопросам принимаются, как уже было сказано выше, простым голосованием.

В результате мы имеем, как отмечает Пауэлл [46], целый набор «исторических Иисусов» на все вкусы: сельский мудрец и остро слов («Иисусов семинар»), социальный революционер (Дж. Д. Кроссан), религиозный мистик (М. Дж. Борг), эсхатологический пророк (Э. П. Сандерс), маргинальный иудей (Дж. П. Майер), истинный Мессия (Н. Т. Райт). Появляются и новые, иные варианты.

Как отмечает Пауэлл, если «Иисусов семинар» берет за основу тезис, что Иисус был сельским мудрецом, который наставлял людей меткими словами, опираясь на повседневный опыт, то этот семинар оценивает подлинность всех изречений по этому основному критерию и получает на выходе доказательство, что Иисус был именно таким человеком. Но это порочная круговая аргументация: в качестве доказательства тезиса дается ссылка на сам этот тезис [46, с. 89]. А если (возьмем еще один пример)

Кроссан трактует повествование Марка (5:1–13) об изгнании из бесноватого «легиона бесов», которые вошли в свиней и утонули в море, как мечту об изгнании за море языческих римских легионов, то и эта трактовка целиком определяется изначальными установками ее автора [46, с. 100].

Ястребов завершает свой краткий обзор таким выводом, с которым стоит согласиться: «Попытка заменить евангельский рассказ на какой-либо альтернативный исторический сценарий не увенчалась успехом... Различие в версиях обусловлено отсутствием четких методологических критериев... Не следует, однако, рисовать смысл и результаты "поиска" в сугубо негативных красках. Удалось прояснить ветхозаветно-иудейскую специфику евангельских преданий, лучше осмыслить учение Иисуса в контексте I века» [45, с. 29].

Краткие итоги

Итак, если суммировать, в чем согласны все или практически все исследователи, получится совсем немного. Иисус – реальная историческая личность, иудей, живший в Галилее в начале I в. н. э., проповедовавший своим ученикам и другим слушателям, а затем распятый в Иерусалиме. Тексты Евангелий содержат его настоящие изречения и поступки, но следует учитывать, что эти тексты были переосмыслены, отредактированы и дополнены первыми христианами в соответствии с их верованиями и представлениями. Практически во всем остальном исследователи ИИ далеки от консенсуса.

И это не удивительно. Вот какое объяснение этому приводит Павлов: «В отличие, скажем, от Юлия Цезаря, бывшего крупным политическим деятелем и выдающимся полководцем в течение достаточно длительного времени, отчего его жизнь изобилует бурными событиями в разных регионах Средиземноморья, вошедшими затем в историю, Иисус предстает как учитель нескольких сотен последователей, чья общественная деятельность не превышала самое большее двух с половиной лет, ограничиваясь небольшой территорией Галилеи, да и то не всей, с вероятными ми паломничествами в Иерусалим» [47, с. 57–58].

В этом случае мы вынуждены признать, что задача реконструкции жизни и учения Иисуса из Назарета просто не имеет на данный момент удовлетворительного научного решения (что не мешает ее решать с позиций веры или неверия). И, по всей видимости, такое решение не станет возможным вплоть до появления каких-то принципиально новых исследовательских методов, вроде изобретения машины времени.

Тайсен высказывается на эту тему так: «Подводя итог: у нас нет, с одной стороны, исторического Иисуса в мире, лишенном мифа, – а с другой стороны, мифического Христа, которого на основании послепасхальных интерпретаций отодвигают все дальше от исторического мира. Исторический Иисус уже жил в мифе, который возвращал к жизни базовую

аксиому иудейской религии: единобожие. Он жил в мифе о приходящем Божьем царстве, в котором станет окончательной реальностью то, что уж утверждал иудейский монотеизм: Бог становится реальностью, которая определяет всё... Но он изменил его самой своей жизнью с ним и внутри него. 1. Он придал ему историчности, соединив его с собственными словами и действиями. 2. Он нашел для него поэтическую форму выражения в притчах, которые подталкивали к новому пониманию Бога. 3. Он соединил его с символично-политической формой выражения и так избавил от милитаризма в том смысле, что отделил от него надежду на победу над язычниками и освобождение от них. Но он его не лишил политического измерения... Иисус дает религиозной надежде большую свободу от политики: верность Богу не предполагает мятежа против императора, но по той же самой причине она не предполагает и безусловной верности этому императору» [48, с. 39–40].

Итак, полностью «демифологизировать» Иисуса просто невозможно, потому что и он сам, и его ученики, и те, кто рассказывал о них, видели его жизнь теснейшим образом соединенной с мифами своего времени.

Но можно перейти от «исторического Иисуса» к «Иисусу свидетельств» – так называется первая глава исследования Бокэма, уже упоминавшегося выше [30]. Имеется в виду, что мы не можем достоверно установить, «как это было на самом деле», но можем постараться определить, как именно сохранялась и передавалась память об этих событиях. При этом не нужно бояться и стесняться того факта, что свидетели небеспристрастны, что они сами были вовлечены в те процессы, которые описывали. Собственно, так всегда и писалась, отмечает Бокэм, история в Древнем мире. Можно лишь добавить, что обычно так пишется она и сейчас. Избавиться от субъективности невозможно, но ее можно осознавать и учитывать.

Книга Бокэма вызвала много отзывов. Один из самых интересных – статья Дж. Редман, которая подвергает его выводы критике с точки зрения психологических опытов, посвященных анализу того, как люди запоминают и пересказывают то, что запомнили [49], но это уже выходит за рамки настоящего исследования.

Подводя итог, можно сказать, что попытки создать научно обоснованную реконструкцию жизни и учения Иисуса из Назарета не привели к особенному успеху, т. е. ясное, непротиворечивое и доказательное повествование так и не было построено. Однако это вовсе не значит, что попытки его создать были бессмысленны и бесполезны. Прежде всего, обращение ученых к этой теме помогло уточнить много частных деталей относительно происхождения христианства и позволило полнее и точнее прочитать многие страницы Нового Завета. Далее, если реконструированные образы Иисуса говорят о реконструкторах больше, чем о личности самого Иисуса, это значит, что данная тема позволяет людям современной культуры лучше увидеть и понять самих себя. Наконец, проработка этой проблематики привела к очень интересным и важным выводам о том, как в традиционных

религиозных текстах соотносятся исторические факты, мифологический язык и идеологические конструкции.

Если говорить о ближайших перспективах подобных исследований, то, по-видимому, самые интересные наблюдения будут сделаны в том, что касается развития представлений об Иисусе в раннем христианстве, о том, как предания о нем формировались внутри устной, а затем и письменной традиции и, в свою очередь, формировали саму традицию, разные ее ветви, взаимодействовавшие между собой.

Литература

1. Андреев А. В. *Поиск исторического Иисуса от Реймаруса до наших дней*. М.: Новое литературное обозрение; 2021 (в печати).
2. *Иисус: Все мировые исследования*. Под ред. Дж. Чарлсворта. М.: Эксмо; 2021. 1054 с.
3. Мень протоиерей А. *Сын Человеческий*. Брюссель: Жизнь с Богом; 1983. 495 с.
4. Хазарзар Р. *Сын Человеческий*. Волгоград: ПринТерра-Дизайн; 2004. 624 с.
5. Алфеев митрополит И. *Иисус Христос. Жизнь и учение*. М.: Сретенский монастырь; 2017. 1-6 тт.
6. Сорокин протоиерей А. *Христос и Церковь в Новом Завете*. М.: Крутицкое подворье; 2006. 646 с.
7. Безобразов епископ К. *Христос и первое христианское поколение*. Paris: YMCA-Press; 1950. 369 с.
8. Латынина Ю. *Иисус. Историческое расследование*. М.: Эксмо; 2019. 544 с.
9. Маккоби Х. *Революция в Иудее (Иисус и еврейское сопротивление)*. Иерусалим – Москва: Гешарим; Мосты культуры; 2007. 320 с.
10. Латынина Ю. *Христос с тысячью лиц*. М.: Эксмо; 2019. 576 с.
11. Ястребов Г. Г. *Кем был Иисус из Назарета?* М.: Эксмо; 2008. 384 с.
12. Ратцингер Й. *Иисус из Назарета*. СПб.: Азбука-классика; 2009. 413 с.
13. Ратцингер Й. *Иисус из Назарета. Часть вторая. От Входа в Иерусалим до Воскресения*. М.: Издательство Францисканцев; 2014. 224 с.
14. Верховен П. *Иисус из Назарета*. М.: Весь мир; 2017. 302 с.
15. Райт Н. Т. *Иисус и победа Бога*. М.: ББИ; 2004. 688 с.
16. Дженкинс Ф. *Многоликий Христос. Тысячелетняя история тайных Евангелий*. М.: Эксмо; 2017. 432 с.
17. Акийол М. *Исламский Иисус: Как Царь Иудейский стал у мусульман пророком*. М.: Эксмо; 2019. 400 с.
18. Эрман Б. *Великий обман: научный взгляд на авторство священных текстов*. М.: Эксмо; 2013. 448 с.
19. *In Defence of the Bible: a Comprehensio Apologetic for the Authority of Scripture*. ed. Ed. by S. B. Cowan, T. L. Wilder. Nashville: Broadman & Holman Publishers; 2013. XVI + 490 p.
20. Wilder T. L. *Pseudonimity, the New Testament and Deseption: An Enquiry into Intention and Reseption*. Lanham: University Press; 2004. 308 p.
21. Donelson L. R. *Pseudepigraphy and Ethical Argument in the Pastoral Epistles*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1986. 221 p.
22. Эрман Б. *А был ли Иисус? Неожиданная историческая правда*. М.: Эксмо; 2014. 480 с.
23. Эрман Б. *Как Иисус стал Богом: откуда взялись и как развивались представления о Христе, ставшие догмами*. М.: Эксмо; 2016. 576 с.

24. Луц У. *Нагорная проповедь (Мф 5-7). Богословско-экзегетический комментарий*. М.: ББИ; 2014. 515 с.
25. Павлов И. *Ин 1:1-5. Главный богословский текст Нового Завета – его оригинал, поэтика, контекст*. М.: ББИ; 2019. 247 с.
26. Флуссер Д. *Иисус, свидетельствующий о себе*. Челябинск: Урал LTD; 1999. 327 с.
27. Хенгель М., Швемер А. М. *Иисус и цудаизм*. М.: ББИ; 2019. 724 с.
28. Маккоби Х. *Революция в Иудее (Иисус и еврейское сопротивление)*. Москва – Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим; 2006. 316 с.
29. Эванс К. *Иисус и его мир. Новейшие открытия*. М.: Эксмо; 2015. 302 с.
30. Бокэм Р. *Иисус глазами очевидцев. Первые дни христианства: живые голоса свидетелей*. М.: Эксмо; 2011. 672 с.
31. Эрман Б. *Иисус до Евангелий: как обрывочные воспоминания нескольких человек превратились в учение о Господе, покорившее мир*. М.: Эксмо; 2017. 384 с.
32. Данн Д. Д. *Новый взгляд на Иисуса. Что упустил поиск исторического Иисуса?* М.: ББИ; 2009. 207 с.
33. Dunn J. D. G. *Christianity in the making. Vol. I: Jesus Remembered*. Grand Rapids (mi): Eerdmans; 2003. XVII +1019 p.
34. Райт Н. Т. *Новый Завет и народ Божий*. Черкассы: Коллоквиум; 2013. 704 с.
35. Райт Н. Т. *Апостол Павел и верность Бога*. Черкассы: Коллоквиум; 2015. 784 с.
36. Райт Н. Т. *Что на самом деле сказал апостол Павел: был ли Павел из Тарса основателем христианства?* М.: ББИ; 2010. 190 с.
37. Швейцер А. *Мистика апостола Павла. Христос или Закон?* М.: Росспэн; 2006. С. 19–370.
38. Сандерс Э. П. *Павел, Закон и еврейский народ. Христос или Закон?* М.: Росспэн; 2006. С. 371–606.
39. Хенгель М. *Недооцененный Петр*. М.: ББИ; 2012. 172 с.
40. Эрман Б. *Петр, Павел и Мария Магдалина: последователи Иисуса в истории и легендах*. М.: Весь мир; 2009. 376 с.
41. Стилианопулос Т. *Новый Завет: православная перспектива. Писание, предание, герменевтика*. М.: ББИ; 2008. 296 с.
42. Тайсен Г. *Библейская вера в эволюционной перспективе*. М.: ББИ; 2009. 243 с.
43. Леммелейн Б. *Во что я верю, будучи ученым-библеистом? Мой искренний и уязвимый ответ*. М.: Даръ; 2020. 128 с.
44. Kähler M. *Der sogenannte Historische Jesus und der geschichtliche, Biblische Christus*. Leipzig: A. Deichert; 1892. 58 S.
45. Ястребов Г. Г. «Поиск исторического Иисуса»: выход из тупика? *Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института*. 2014;12:11–33.
46. Powell M. A. *The Jesus Debate: Modern Historians Investigate the Life of Jesus Christ*. Oxford: Lion Publishing; 1999. 240 p.
47. Павлов И. *Как жили и во что верили первые христиане: учение двенадцати апостолов*. М.: Эксмо, 2018. 736 с.
48. Theissen G. *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis: Fortress Press; 1999. 416 p.
49. Redman J. C. S. How Accurate are Eyewitnesses? Bauckham and the Eyewitnesses in the Light of Psychological Research. *Journal of Biblical Literature* 2010;129(1):177–197.

References

1. Andreyev A. V. *The Quest for Historical Jesus from Reimarus till Nowadays*. Moscow: Novoye Literturnoye Obozreniye; 2021 (in print).
2. *Jesus Research: New Methodologies and Perceptions*. Ed. by J.H. Charlesworth. Moscow: Eksmo; 2021. 1054 p. (In Russ.)
3. Men', protopriest A. *The Son of Man*. Brussels: Zhizn' s Bogom; 1983. 495 p.
4. Khazarzar R. *The Son of Man*. Volgograd: PrintTerra-Dizain; 2004. 624 p.
5. Alfeyev, metropolitan I. *Jesus Christ. Life and Teaching*. Moscow: Sretensky Monastery; 2017. 1-6 vols.
6. Sorokin, protopriest A. *Christ and the Church in the New Testament*. Moscow: Krutitskoye Podvorye; 2006. 646 p.
7. Bezobrazov, bishop K. *Christ and the First Christian Generation*. Paris: YMCA-Press; 1950. 369 p.
8. Latynina Yu. *Jesus. Historical Investigation*. Moscow: Eksmo; 2019. 544 p.
9. Maccoby H. *Revolution in Judaea (Jesus & the Jewish Resistance)*. Jerusalem – Moscow: Gesharim; Mosty Kul'tury; 2007. 320 p. (In Russ.)
10. Latynina Yu. *Christ with Thousand Faces*. Moscow: Eksmo; 2019. 576 p.
11. Yastrebov G. G. *Who was Jesus of Nazareth?* Moscow: Eksmo; 2008. 384 p.
12. Ratzinger J. *Jesus of Nazareth*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2009. 413 p. (In Russ.)
13. Ratzinger J. *Jesus of Nazareth. Second Part. From the Entrance to Jerusalem to the Resurrection*. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev; 2014. 224 p. (In Russ.)
14. Verhoeven P. *Jesus of Nazareth*. Moscow: Ves' Mir; 2017. 302 p. (In Russ.)
15. Wright N.T. *Jesus and the Victory of God*. Moscow: BBI; 2004. 688 p. (In Russ.)
16. Jenkins P. *The Many Faces of Christ. The Thousand-Year Story of the Survival and Influence of the Lost Gospels*. Moscow: Eksmo; 2017. 432 p. (In Russ.)
17. Akyol M. *The Islamic Jesus: How the King of the Jews Became a Prophet of the Muslims*. Moscow: Eksmo; 2019. 400 p. (In Russ.)
18. Ehrman B. D. *Forged: Writing in the name of God*. Moscow: Eksmo; 2013. 448 p. (In Russ.)
19. *In Defence of the Bible: a Comprehensive Apologetic for the Authority of Scripture*. ed. Ed. by S. B. Cowan, T. L. Wilder. Nashville: Broadman & Holman Publishers; 2013. XVI + 490 p.
20. Wilder T. L. *Pseudonymity, the New Testament and Deception: An Enquiry into Intention and Reception*. Lanham: University Press; 2004. 308 p.
21. Donelson L. R. *Pseudepigraphy and Ethical Argument in the Pastoral Epistles*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1986. 221 p.
22. Ehrman B. D. *Did Jesus Exist?: The Historical Argument for Jesus of Nazareth*. Moscow: Eksmo; 2014. 480 p. (In Russ.)
23. Ehrman B.D. *How Jesus Became God : the Exaltation of a Jewish Preacher from Galilee*. Moscow: Eksmo; 2016. 576 p. (In Russ.)
24. Luz U. *The Sermon on the Mountain (Mat 5-7). A Theological and Exegetical Commentary*. Moscow: BBI; 2014. 515 p. (In Russ.)
25. Pavlov I. *Jn 1:1-5. The Main Theological Text of the New Testament – Its Original, Poetics and Context*. Moscow: BBI; 2019. 247 p.
26. Flusser D. *Jesus Witnessing about Himself*. Chelyabinsk: Ural LTD; 1999. 327 p.
27. Hengel M., Schwemer A.M. *Jesus and Judaism*. Moscow: BBI; 2019. 724 p. (In Russ.)

28. Maccoby H. *Revolution in Judaea (Jesus & the Jewish Resistance)*. Jerusalem – Moscow: Gesharim; Mosty Kul'tury; 2006. 316 p. (In Russ.)
29. Evans C.A. *Jesus and His World. The Archaeological Evidence*. Moscow: Eksmo; 2015. 302 p. (In Russ.)
30. Bauckham R. *Jesus and the Eyewitnesses. The Gospels as Eyewitness Testimony*. Moscow: Eksmo; 2011. 672 p. (In Russ.)
31. Ehrman B.D. *Jesus before the Gospels: how the Earliest Christians Remembered, Changed and Invented their Stories of the Saviour*. Moscow: Eksmo; 2017. 384 p. (In Russ.)
32. Dunn J. D. G. *A New Perspective on Jesus: What the Quest for the Historical Jesus Missed*. Moscow: BBI; 2009. 207 p. (In Russ.)
33. Dunn J. D. G. *Christianity in the making. Vol. I: Jesus Remembered*. Grand Rapids (mi): Eerdmans; 2003. XVII +1019 p.
34. Wright N. T. *New Testament and the People of God*. Cherkassy: Kollokvium; 2013. 704 p. (In Russ.)
35. Wright N. T. *Paul and the Faithfulness of God*. Cherkassy: Kollokvium; 2015. 784 p. (In Russ.)
36. Wright N. T. *What Saint Paul Really Said: Was Paul of Tarsus the Real Founder of Christianity?* Moscow: BBI; 2010. 190 p. (In Russ.)
37. Schweitzer A. The Mysticism of Paul the Apostle. *Christ or the Law?* Moscow: Rosspen; 2006. P. 19–370. (In Russ.)
38. Sanders E. P. Paul, the Law, and the Jewish People. *Christ or the Law?* Moscow: Rosspen; 2006. P. 371–606. (In Russ.)
39. Hengel M. *St. Peter: Underestimated Apostle*. Moscow: BBI; 2012. 172 p. (In Russ.)
40. Ehrman B. D. *Peter, Paul and Mary Magdalene: The Followers of Jesus in History and Legend*. Moscow: Весь мир; 2009. 376 p. (In Russ.)
41. Stylianopoulos T. G. *The New Testament: An Orthodox Perspective. Scripture, Tradition, Hermeneutics*. Moscow: BBI; 2008. 296 p. (In Russ.)
42. Theissen G. *Biblical Faith: An Evolutionary Approach*. Moscow: BBI; 2009. 243 p. (In Russ.)
43. Lemmelein B. *What do I believe in as a Biblical Scholar? My Sincere and Vulnerable Response*. Moscow: Dar; 2020. 128 p. (In Russ.)
44. Kähler M. *Der sogenannte Historische Jesus und der geschichtliche, Biblische Christus*. Leipzig: A. Deichert; 1892. 58 S.
45. Yastrebov G. G. “The Quest for the Historical Jesus”: a Way out of a Dead End? *Svet Khristov prosveshhaet vsekh. Almanakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta*. 2014;12:11–33.
46. Powell M. A. *The Jesus Debate: Modern Historians Investigate the Life of Jesus Christ*. Oxford: Lion Publishing; 1999. 240 p.
47. Pavlov I. *First Christians, their Life and their Faith: The Teaching of the Twelve Apostles*. Moscow: Eksmo, 2018. 736 p.
48. Theissen G. *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis: Fortress Press; 1999. 416 p.
49. Redman J. C. S. How Accurate are Eyewitnesses? Bauckham and the Eyewitnesses in the Light of Psychological Research. *Journal of Biblical Literature* 2010;129(1):177–197.

Информация об авторе

Десницкий Андрей Сергеевич – доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН; Российская академия народного хозяйства и государственной службы Российской Федерации, Москва, Россия.

Information about the author

Andrey S. Desnitsky – Ph. D. habil. (Philol.), Professor, Senior Research fellow, Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31 июля 2021
Одобрена после рецензирования: 30 августа 2021
Принята к публикации: 16 сентября 2021
Опубликована: 29 сентября 2021

Article info

Submitted: July 31, 2021
Approved after peer reviewing: August 30, 2021
Accepted for publication: September 16, 2021
Published: September 29, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«*Ориенталистика*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.